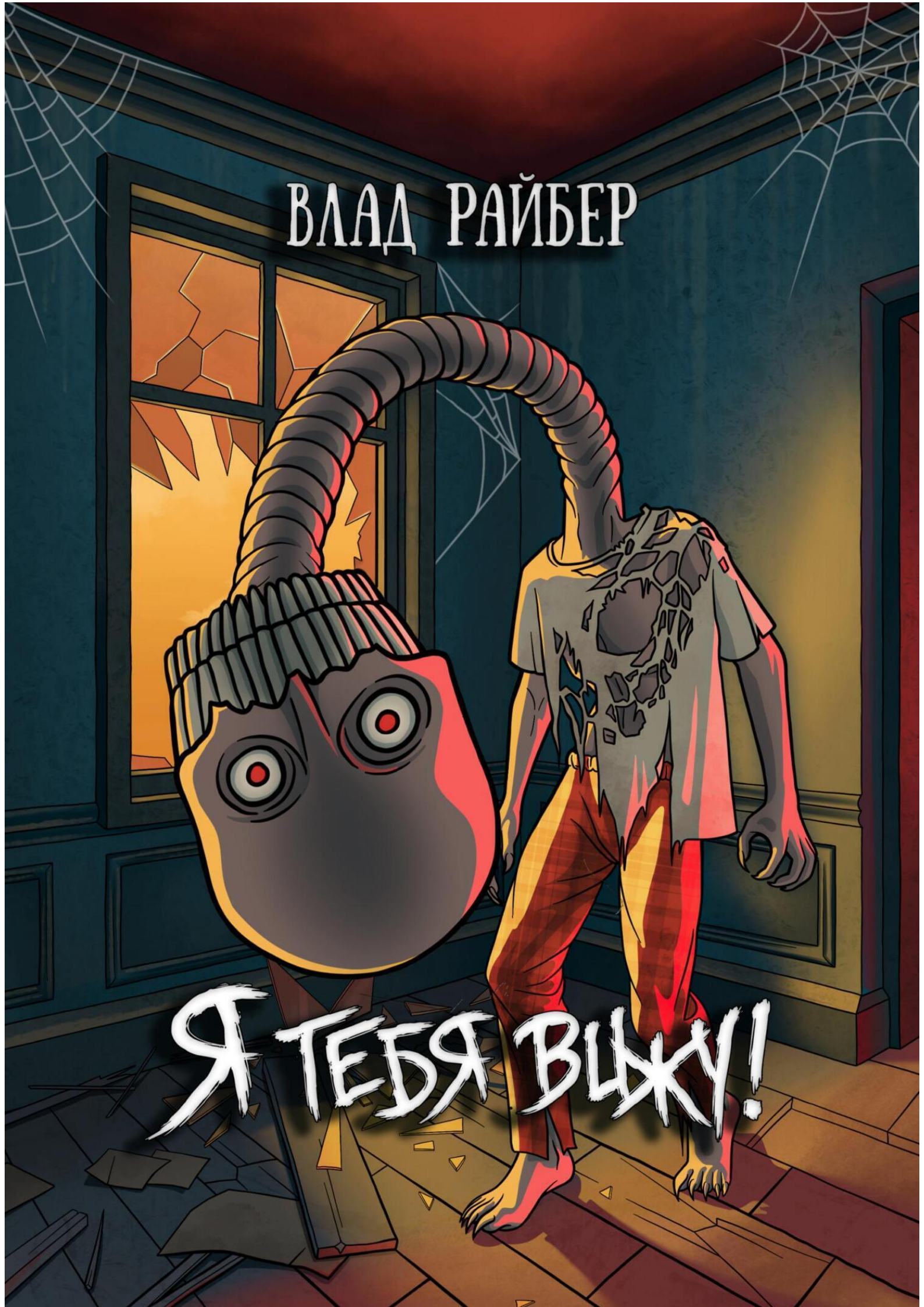

ВЛАД РАЙБЕР

Я ТЕБЯ ВЦЖУ!

Влад Райбер

Я тебя вижу

«Автор»

2024

Райбер В.

Я тебя вижу / В. Райбер — «Автор», 2024

Он шепчет: «Ку-ку! Я тебя вижу!». Только не смотри ему в глаза или это станет последним, что ты сделаешь в этой жизни. Кажется, обитатели ада выбрались в наш мир. Они ходят по улицам, заглядывают в окна домов, стучатся в двери. Их нельзя замечать, нельзя смотреть на них и нельзя с ними разговаривать... Новый сборник жутких историй автора заставит вас трястись от страха. Предупреждение: не читайте все истории за один вечер, если планируете сегодня спокойно спать.

© Райбер В., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Предисловие	5
Ку-ку! Я тебя вижу!	6
Синица	11
Моё лицо!	16
Тёмный джокер	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Влад Райбер

Я тебя вижу

Предисловие

Привет! Если мы не знакомы, я Влад Райбер – писатель в жанре ужасов. Без малого пятнадцать лет, я мечтал быть изданным. И вот недавно моя первая книга «Плюшевая голова» от издательства «Эксмо» появилась на полках магазинов во всех городах страны.

«Плюшевую голову» можно найти в «Читай-Городе» и в «Буквоеде» или заказать онлайн в маркет-плейсах, вроде OZON и WB. Ну и, конечно же, скачать на «Литрес».

Читатели присылают мне фото своих экземпляров, делятся эмоциями. Я до сих пор не могу поверить, что моя мечта сбылась, но уже работаю над второй книгой в рамках серии «Вселенные ужасов Влада Райбера». Её обещают выпустить в первой половине этого года.

Возможно, рассказы сборника «Я тебя вижу!» тоже когда-нибудь доберутся до полок книжных магазинов. Так будьте первыми, кто их прочитает. Приятных вам кошмаров!

Ку-ку! Я тебя вижу!

Нам сначала объясняют, как должно всё быть, а потом мы видим, что в реальности это не работает и живём с грузом разочарования.

Я верил, что родители всегда любят своих детей. Ну или хотя бы что-то к ним чувствуют. Думают, переживают и всегда о них помнят. И у меня до сих пор не может уместиться в голове тот факт, что человек, у которого есть сын может относиться к нему просто никак. С абсолютным равнодушием и отсутствием интереса. Похоже, моему отцу досталась эта роль по инерции, как и брак с моей матерью. Он был холоден ко мне, даже когда мы жили вместе, а после развода стал заходить совсем ненадолго... Навестит, сводит меня в магазин игрушек, спросит что мне купить, а потом будет бросать беглый взгляд на часы и говорить, что ему пора бежать по своим делам. Казалось, что для него всё на свете важнее меня.

– Ну па-а-ап, чуть-чуть ещё! Давай найдём баночки, испытаем наш бластер! – упрашивал я.

– Прости, и так уже задержался! – отвечал он, в очередной раз. – Вон какую игрушку тебе купили. Только все пули не растеряй. И в глаз никому не попади.

– Да они мягкие... – грустно говорил я, и мне уже не хотелось играть в свой бластер.

Отец просто откупался от меня. Да и не нужны мне были его подарки. Мне лишь хотелось погулять с ним подольше, поговорить, сделать что-нибудь вместе. Хотелось просто интересно провести время, хотелось, чтобы он наконец меня заметил. Но отец приходил всё реже и реже, пока совсем не пропал. Я думал, что это всё из-за напряжённых отношений с мамой. Своей детской наивностью верил, что папа меня любит. Всегда хотел узнать, почему же он ко мне не приходит и искал ему важные оправдания. Не измерить, каким было моё разочарование, когда я понял: господи! Да ему же просто плевать на меня с высокой колокольни! И так обидно, что я сам не могу перестать ничего чувствовать к своему отцу. В детях привязанность к родителям заложена по умолчанию. Но я постарался стереть его из памяти. Много лет его не видел, вырос без его опеки и почти смирился, что в моей жизни не было человека, который бы мог называться «папой». Но вдруг мне принесли напоминание о нём. У меня на пороге появился незнакомый человек в очках и в сером пальто.

– Рожков Игорь Михайлович, вам кем приходится? – спросил он.

– Ну, отцом, – с неохотой признал я и пробубнил себе под нос, – если можно так его назвать...

– Тогда распишитесь и получите!

Мне принесли бумагу, из которой я узнал, что мой отец уже пять лет считался пропавшим без вести, а теперь, по решению суда объявлен мёртвым. А я, как ближайший родственник, по закону могу претендовать на его имущество. Сказать бы: «Ничего мне от него не надо!», но двухкомнатные квартиры всем подряд не раздают. Не любовь, так хоть жильё от отца досталось. Будет чем себя утешить. И маме будет спокойнее в одиночестве или сможет устроить личную жизнь. Она постоянно жаловалась, что я слишком шумный и разбрасываю вещи. К тому же, я наконец-то смогу приглашать друзей. Да и вообще, взрослый парень, живущий с мамой, завидным женихом не считается.

Никто не знал, куда пропал мой отец. Просто исчез однажды и всё. Я старался не трогать свои сентиментальные чувства. Этот человек относился ко мне, как к чужому. Вот и мне не надо интересоваться его судьбой. Это исчезновение не объясняло, почему он перестал ко мне приходить, ведь папа не был у меня в гостях намного дольше, чем считался пропавшим.

Квартира располагалась в пятиэтажной хрущёбе на Горького. Не самый плохой район – близко к центру города. Даже парк совсем недалеко. Ключ мне дала пожилая, глуховатая

соседка. На ней был малиновый халат, с слегка оторванным карманом и мягкие домашние тапочки. Это она пять лет назад обнаружила пропажу моего отца.

– Вышла утром, ба-а-а – дверь открыта и ключ в замке торчит, – рассказывала старушка. – Я кричу «Игорь, Игорь...», а его нет. И больше он не пришёл.

– На него это похоже, – съязвил я.

Старушка не услышала этого. Она попрощалась со мной и ушла к себе. Открыв деревянную дверь в свою квартиру, я вошёл внутрь и стал осматривать будущее имущество. Воздух здесь довольно тяжёлый – никто не проветривал эти комнаты годами. Зеркало настолько мутное, что в нём можно разглядеть лишь размытый силуэт, от ковра несёт, как от мокрой псины. Всюду сохранился беспорядок: в раковине от невымытой посуды образовалась новая жизнь, рядом с кроватью разбросаны носки, в стиральной машине что-то гнилое, но сложнее всего будет избавиться от пыли. Она обволакивает все предметы плотным слоем. Подушки, вероятно, придётся просто выбросить. Я открыл шкаф, осмотрел книжные полки и компьютерный стол. Меня не интересовала ценность оставленных вещей. Мне хотелось найти снимки или открытки. Что-нибудь памятное. А вдруг где-нибудь среди вещей лежит наша с ним фотография? Опять откуда-то вылезла дурацкая надежда на отцовские чувства. На столе и под столом валялись смятые записки на блокнотных листах. Ну и почерк! Ничего не разобрать. За окнами почти стемнело. Я включил свет и попытался вчитаться в текст на измятом листе:

– Ему... нельзя... что?

И по прихожей громом разнёсся стук. В мою дверь нервно колотили. Я вышел из комнаты и спросил:

– Кто там?

– Пожалуйста, откройте! Скорее откройте! – услышал я торопливый шёпот.

Я посмотрел в глазок. Там стоял молодой парень. Голубые глаза и курносый нос делали его похожим на ребёнка. Он дрожал и оглядывался на лестницу. Но я не спешил открывать:

– Что случилось?

– Откройте, он убьёт меня! Быстрее!

Парень отошёл подальше от двери, будто специально, чтобы показать свои домашние штаны и тапки на босую ногу. Я бы мог подумать, что это сосед, ведь в таком виде он бы не пришёл с улицы. Но моё недоверие к незнакомцам имело вес:

– Извините, я не открою вам!

– Вот же чёрт! – парень метался по лестничной площадке, как в ловушке. – Мой батя хочет меня убить! Он поднимается за мной. Он пьяный и у него нож. Он не в себе. Спасите меня, умоляю!

– Спокойно! Сейчас вызову полицию, – ответил я.

Откуда мне было знать, что это не актёрская игра? Сколько грабителей и убийц врывались в квартиры обманом, изображая из себя невинных людей, попавших в беду.

– Они не успеют! Я уже трупом буду! Дверь откройте! Он меня порезал! Видно вам? – парень поднял рукав футболки и показал в глазок глубокий порез на левом плече. Через линзу рана выглядела вполне натурально.

Я нервничал, сомневался, бил себя по рукам, чтобы не повестись на развод. Может это всего лишь козырь для убеждения? Грим, искусственная кровь.

– Открывать я не буду! – упирался я, – а полицию вызову.

– Они не помогут! – нервным шёпотом отвечал парень.

– Стучитесь к другим соседям тогда.

– Да я пока бежал, стучался ко всем – никто не открыл! – незнакомец за дверью повысил голос. – А напротив вас живёт бабка глухая. Выше этажей нет. Да откройте вы! Он идёт сюда! Слышите?

Я выдохнул, погасил в себе навязанную вину и сказал:

– Простите, не могу помочь. Дверь чужим не открываю.

Курносое лицо придвинулось почти вплотную глазку. Что-то изменилось в его чертах. Зрачки сузились, губы перестали дрожать и растянулись в надменной улыбке. Он перестал изображать жертву и, казалось, ему понравилось, что его обман раскрыли. Парень отступил на шаг от двери и склонил голову на бок. Этот взгляд словно проходил сквозь дверь и упирался мне в лоб.

«Правильно, что я не открыл, ему не нужна помощь. Он задумал что-то другое», – у меня тряслись руки и в горле пересохло. Фигура парня странно искажалась. Мне мерещилось, что он вытянулся, как тень от яркого света. Особенно удлинились его пальцы. Теперь они почти доставали до коленей. Он повернулся к лестнице и тихо ушёл за стену.

– Да что это, мать его, было?!

Я испугался только сильнее, когда заметил, что замок всё это время был открыт! Этот обманщик мог просто войти, если бы дёрнул ручку и понял, что дверь не заперта. Внутренний голос сам по себе нарёк его «оборотнем». Было подозрение, что внешность безобидного парня – всего лишь «овечья шкура», под которой скрывается что-то потустороннее. Теперь-то я закрылся на все замки. Вот досталась мне квартира с нечистой силой в довесок. Или это линза глазка кривая? Так исказила человека? Я вернулся в комнату и вспомнил про записку на столе.

– Ему нельзя верить, он... всегда... врёт, – я с трудом разобрал эти закорючки.

И про кого это тут сказано? А вдруг про того оборотня, что стучался ко мне в дверь? Ему точно нельзя верить! Теперь я думал: как могут быть связаны исчезновение моего отца и тот, кто ломился в квартиру. Отец что-то знал о нём и делал себе напоминания в записках? Ещё бы разобраться в этих детских каракулях. Не понимаю! Это что за буква? «А» или «Д»? Или это он рисовал голубя? Боже, зачем оно мне надо?

Время! Я взглянул на экран телефона. Почти девять вечера. Ещё не слишком поздно. Можно успеть на маршрутку. Но как теперь выйти в подъезд? Вдруг меня там ждут? Хорошо бы это как-то проверить. Я бесшумно подкрался к двери на мысках. Почти пролетел над полом. Не дыша, наклонился к глазку и увидел пустую лестничную площадку, залитую красным светом. Как странно! Только что лампа была желтоватая, а теперь ярко-алая. От такого света в глазах мелькала рябь. Я уже собирался оторваться от дверного глазка, но вдруг из-за стены высунулась белая голова. Гладкий череп, покрытый блестящей кожей, сверкающие рубиновые глаза. И рот, что был живым воплощением голода! Пасть с массой слюны и зубов, язык похожий на извивающегося червя.

– Ку-ку! Я тебя вижу! – сказал белый оборотень, вылезая из-за стены.

Он был такой длинный, что ему приходилось наклонять голову в бок, чтобы не скрести штукатурку макушкой. Я пригнулся к полу. Было такое чувство, что меня ударили палкой по голове. От шока соображалось туго. Хотелось только подальше спрятаться. За дверью послышалось сопение. Ноздри потустороннего гада со свистом втягивали воздух:

– Мне знаком запах твоей крови. Ты его сын! Ты получил в наследство жилище и меня... Открой дверь, мальчик. Посмотри мне в глаза. Ты желаешь так много. Я могу дать тебе всё на свете. Ты получишь всё, как и твой отец. Просто открой дверь и загляни мне в глаза. Этот голос царапал мне уши, и я ползком вернулся в комнату, где остался мой телефон. Лёжа на отсыревшем ковре, я набрал трёхзначный номер.

– Алло! – слабо ответил кто-то, голос отдавал эхом. Не похоже на диспетчера спасательной службы.

– Кто со мной говорит? – прошептал я. – Мне нужна полиция.

– Здесь авария в тоннеле, – ответил человек на том конце. – Мне оторвало ногу. Помогите.

Я посмотрел на экран. Номер набран правильно, а попал не туда. Что с моим телефоном? Я сбросил звонок и набрал снова.

– Кто вы?.. – ответил испуганный женский голос, – какой-то человек уже давно идёт за мной. Здесь везде темно и никого нет! Мне страшно. Скажите, что делать?

Сколько раз не звони – телефон всегда перекидывал меня на незнакомых людей, которые сами попали в беду и просили помощи. Дьявольское наваждение! Поняв, что телефон бесполезен, я стал разбирать другие записки на полу. Там были не только буквы, но и какие-то странные знаки. Да чем вообще занимался мой отец? Вызывал демонов? Собирался выменять душу на Ладу Калину и три пахучки? Ужас! Какой ужас! Во что я вляпался? Я смог разобрать текст только на одном листе: «Нельзя смотреть ему в глаза!». Да я и так уже это понял. Мне надо было узнать, как выбраться из этой квартиры. Не прыгать же с пятого этажа?

Записки, записки... как их много и ничего не понятно. Текст нечитаемый. Вдруг ещё и свет погас! Я остался в полной темноте и только сквозь стекло пробивались слабые отблески света далёкого уличного фонаря. Захотелось открыть окно и запустить в комнату свежий воздух. Но за стеклом появился он! Оборотень с рубиновыми глазами и голодной мерзкой пастью.

– Ку-ку! Я тебя вижу! И ты посмотри на меня!

Я невольно подчинился, посмотрел в эти сверкающие огоньки всего на секунду. Мне в глаза ударила боль, словно вонзились лезвия и показалось, что из тела вытянули половину силы. Я чуть не рухнул от резкого чувства усталости, но устоял оперевшись рукой о подоконник.

– Давай же! Смотри! Смотри на меня! – он стучал по стеклу, и оно трескалось.

Теперь он мог войти и без моего приглашения. Было ошибкой смотреть ему в глаза. Выбегая из комнаты, я закрыл дверь и повис на ручке. Из-под порога просочился красный луч. Там снова загорелся свет, но теперь он был алый, как в подезде. Оборотень был уже совсем рядом. Ручка затряслась. Нас отделяла только дверь из фанеры, которую можно проткнуть и пальцем.

– Знакомая кровь! Сладкая кровь! Открой! Посмотри мне в глаза ещё разок!

Я с головы до пят дрожал от страха. С меня капали и пот, и слёзы. Господи Иисусе! Как мне выпутаться из этого ада? Казалось, оборотень играет со мной, как домашняя кошка с полумёртвой мышью. Не желает убивать сразу, а теребит лапами, чтобы удовлетворить свои охотничьи инстинкты, прежде чем перекусить шею зубами. Мне просто хотелось убежать домой и больше не возвращаться в эту квартиру. Гори она огнём преисподней!

Я отпустил ручку и побежал. И тут же за мной приоткрылась дверь. Прихожую озарил алый свет. Большой и указательный пальцы сдавили ключ, я с большим усилием повернул его в замке, схватился за ручку и собирался дёрнуть её... И тут на мои плечи легли тёплые и мягкие пальцы. Теперь я не мог пошевелить ни одной мышцей и был слишком напуган, чтобы двигаться. Руки и ноги больше не принадлежали телу. Конечности перестали мне подчиняться и обмякли. Но я вовремя смог почувствовать направленное усилие. И когда меня развернули от двери, я зажмурил веки так сильно, как только мог.

– Тихо-тихо! Не плачь! Ты же у меня взрослый парень, – его голос изменился. Теперь он был похож на обычный, человеческий. Но я-то помнил, что ему не составляет труда менять голоса. Я чувствовал тёплое дыхание и в нём не было никакого демонического зловонья.

– Денис, всё нормально, – медленно и вкрадчиво произнёс он... так говорил только мой отец. Готов поклясться, что это был его голос! Как хотелось поверить, что передо мной не зубастый оборотень с рубиновыми глазами, а простой человек. Но я стоял, зажмурившись и нервно трясясь.

– Сын, успокойся. Бояться больше нечего. Ты справился! Он ушёл. Я знал, что ты когда-нибудь придёшь в мою квартиру и оставил тебе записки. Он пытался тебя обмануть, как и меня. Хорошо, что ты ему не поверил. Ты сделал всё правильно. Ты молодец.

Он легко держал меня за плечи, почти не давил. Казалось, что можно легко освободиться, и никто не будет меня удерживать. Я осмелился прошептать сквозь зубы:

– Где ты был?

– В ужасном месте! С трудом вырвался на минуту, чтобы посмотреть на тебя в последний раз. Надеюсь, мы больше никогда не увидимся. Не желаю тебе там оказаться!

Я сглотнул ком и только крепче зажмурился.

– Говорю же: всё хорошо! – убеждал меня добрый голос отца, – посмотри на меня, пока я здесь. Ты же так хотел со мной увидеться. Сейчас я исчезну, и мы больше никогда не встретимся. Меня тряхнули за плечи и я опомнился. Он мог сколько угодно говорить о вещах, о которых знаем только мы, напомнить подробности редких встреч, но я бы никогда не поверил вранью этого оборотня!

– Ты не мой отец, – прошептал я.

– Открой глаза и увидишь, – он меня торопил. – Скорее! Скорее!

– Ты не мой отец, – повторил я.

Оборотень больше не мог притворяться и завизжал как свинья:

– Открой свои чёртовы глаза, уродец!

Его руки перестали быть мягкими. Он вцепился мне в глаза и силой пытался разжать веки. Теперь мне в лицо дышала жаром ненасытная глотка и летела густая слюна.

– Открой их! Посмотри на меня, – визжал оборотень.

Сам не соображая, что делаю, я нащупал за спиной ручку двери. Из подъезда в квартиру повеяло сквозняком и этот порыв, словно сдул оборотня. Никто больше не пытался разжать мне веки. И никто не кричал. От стен отражались только мои всхлипы. Я бы побежал, быстрее ветра, но всё ещё не осмеливался открывать глаза. Потусторонний мерзавец мог просто притворяться, что ушёл...

Я, как слепой, вышел на площадку на ощупь. И стал тихо спускаться по ступенькам, держась за перила, аккуратно перебирая ногами. У меня каждую секунду было ожидание, что сейчас опять его руки лягут мне на плечи. Холодная стальная дверь. Кнопка домофона. Электронный писк. Я вышел на улицу без куртки и обуви... Забыл о ступеньках на крыльце и упал, разбив колено. Дальше нельзя было идти вслепую, пришлось открыть глаза. Это было трудно и больно. Лицевые мышцы стянуло спазмами. Не знаю сколько понадобилось времени на это – пять или все десять минут.

Я стоял на коленях в небольшой луже перед домом, в беспокойной воде мелькал отражённый свет от жёлтого фонаря. Поднявшись на ноги, я не спеша пошёл в ночной осенний холод, ступая носками по мокрому и грязному асфальту. На мне был лишь тонкий свитер из дешёвого кашемира. Мой телефон и деньги остались в этой жуткой квартире. Плевать! Вряд ли мне когда-нибудь захочется жить в квартире отца.

Синица

У меня никогда не было домашних животных. Мама всегда выступала против питомцев в квартире. Наверное, из-за этого запрета, я всегда питал особые чувства к любому зверю. Подкормлю на улице сосиской бродячую собаку или куплю пакетик мягкого корма дворовой кошке, и на душе сразу как-то радостнее, теплее. А в этом ноябре я подружился с синицей. Увидел желтобрюхую птичку за окном своей комнаты и решил оставить для неё гостинец: насыпал горстку пшеничной крупы на скат – вдруг прилетит снова.

И правда прилетела! Она клевала, а я смотрел. Так и стал каждый день подсыпать ей немного пшена. Других птиц за своим окном я не видел, поэтому быстро привязался к этой синичке. Она меня не боялась, будто знала, кто оставляет для неё корм. Эта дружба с птицей стала для меня маленькой радостью в повседневной жизни. С людьми у меня тяжело складываются отношения. Я легко завожу знакомства, а поддерживать дружбу почему-то не хочется. Не знаю о чём говорить или попросту забываю общаться.

Иногда я задумывался, а не стану ли я в старости одним из тех чудаков, которые ходят кормить голубей в парке? Но эти мысли меня не печалили. Так ли обязательно водить дружбу с людьми, если чувствуешь, что животные тебе ближе по духу? С моей пернатой питомицей, настроение поздней осени казалось не таким унылым. Ожидая, когда на подоконник присядет синица, я подолгу рассматривал вид на улице. Крона деревьев уже совсем облетела и они слегка пошатывались голыми ветками на ветру. Облака нависали над многоэтажками, а небо было каким-то давящим. Мне больше нравились те дни, когда выглядывало солнце и наш двор заливало светом.

А вот и моя птица прилетела, чтобы склевать несколько зёрен. По моему лицу сама по себе расплзлась улыбка. Мне захотелось похвастаться маме, что я приручил синицу. Но она нарушила нашу идиллию.

– Ты разве не знаешь, что, если синицы стучат в окно – это к тяжёлому несчастью, – сказала мама.

– Она и не стучала ни разу! – возразил я. – Да и... не будь такой суеверной!

– Смерти моей хочешь?

Я знал, что после этих слов с матерью лучше не спорить, поэтому лишь тяжело вздохнул и ответил:

– Конечно не хочу, мам.

– Тогда заканчивай свои кормёшки! – начала слегка злиться она, – чтобы я больше ничего на подоконниках не видела.

Мама принесла мне веник и заставила смести пшено с окна, под её наблюдением. Она всегда была со мной строга. Может быть поэтому мне так сложно сблизиться с людьми. Вдруг они тоже окажутся такими же чёрствыми... Теперь, когда синица прилетала, у меня разбивалось сердце. Птица привыкла получать еду, но мама запретила её угощать. Я старался не смотреть в окно. Потому что чувствовал себя предателем. Однажды синица постучала клювом в раму. Я говорил себе, что это случайность. У этих птиц крохотный мозг. Вряд ли бы она додумалась привлечь моё внимание таким способом. В предрассудки матери я верил только в раннем детстве, и давно их перерос. Но именно после первого стука синицы в окно, в наш дом пришло несчастье. Не знаю из-за чего это случилось: может мама оказалась права в своих суевериях, а может я совершил ошибку отказавшись от своего доброго дела. Эту загадку мне уже никогда не разгадать.

Моя мама – сова. Активность у неё начинается с позднего вечера, поэтому она обожала ходить в круглосуточный гипермаркет недалеко от нашего дома и часто возвращалась, когда я уже спал. Тем вечером мне снилось, что синица стучит в окно. Желтобрюхая птица была второе

больше, а её глаза казались злыми и в них мерцали красные блики. Она колотила клювом в раму, и я проснулся от этого шума. За окном никого: только синяя темнота и огни соседних домов. Но стук оказался настоящим. Только колотили не в окно, а в дверь. Заспанный и слабый, я пошёл открывать. Кроме моей мамы никто не мог прийти так поздно. Меня смутило только одно: почему она не пыталась докричаться через дверь? У неё бы давно сдали нервы от нетерпения. Поэтому прежде чем открыть, я посмотрел в глазок и убедился, что это она. Мама держала в руке большой коричневый пакет. Её нос и щёки покраснели от мороза. Я подумал, что она мне сейчас выскажет за то, что так долго не открывал, поэтому приготовился держать оборону:

– Ключи твои где?!

Открыв дверь, я ахнул. То, что я видел в глазке, отличалось от того, что стояло за порогом. Это была не моя мама! Не знаю кто или что это было! Неясно мужчина или женщина. Кто-то старый, с седыми грязными волосами. Пучеглазый, с длинным острым носом. А его улыбка напоминала старый рваный башмак, с торчащими гвоздями вместо зубов. Мой гость был одет в истёртую одежду, что висела лентами. В таком убогом наряде не ходят и нищие. Изорванная ряса, на плечах такой же потрёпанный платок. Рваная ткань напоминала торчащие перья. Я попытался закрыться, но остроносый не дал мне этого сделать.

Он схватился за дверь. Какая жуткая у него была рука! Под длинными ногтями чёрная грязь. Кожа сухая и тёмная, в язвах и трещинах. Я представил сколько заразы могло быть в этом человеке и отступил. Станный гость откинул дверь, и я увидел его в полный рост. Он будто сошёл со страниц старых книг со страшными сказками. Вторую руку, он держал сжатой в кулак и показывал на неё глазами. От страха я перестал чувствовать границы своего тела. Забыл обо всём и не пытался прогнать его. Остроносый занёс руку над порогом и разжал кулак. На пол посыпались пшеничные зёрна. Он улыбался и щурил глаза. Я был не столько напуган, сколько обескуражен происходящим, и чувствовал отвращение. Чужак на моём пороге выглядел страшнее чёрта, но, похоже, гордился этим, строил такую рожу, чтобы выглядеть ещё уродливее. Высыпав крупу мне на пол, остроносый пошёл прочь. Я закрыл дверь. Не было времени думать, что произошло. Потому что понимал, что надо убраться, пока не пришла мама. Если бы не я, а она застала на пороге длинноносого, это была бы катастрофа.

Мама на всё бурно реагировала, и она бы обвинила во всём меня, сказав, что я призвал в дом несчастье. Лучше ей не знать о произошедшем. Я всё тщательно вычистил пылесосом. Потом решил успокоиться, выпив чего-нибудь горячего. Мне почему-то стало холодно, хотя в квартире были закрыты все окна. Я залил чайный пакетик кипятком, от чашки поднялся пар и согрел моё лицо. Мне стало немного лучше. Скоро пришла мама. Она открыла дверь своим ключом и чуть ли не сразу позвала меня:

– Юра, подойди сюда, пожалуйста.

По её тону, я понял, что разговор будет не из приятных.

– Что это такое, а? – она заметила тонкую полоску пшена у плинтуса. – Опять крупу берёшь?

– Ничего я не брал, – пробубнил я.

Мама опять заладила своё:

– Знаешь, что рассыпанная крупа – тоже плохая примета. Это к разладу в семье и обнищанию. Убери тут быстро! И не вздумай больше залезать в полки!

Я чувствовал, что меня несправедливо обругали. Еле сдержался, чтобы не рассказать про остроносого. И всё-таки: кем он был? Вопрос без ответа. У меня нет никаких вариантов. Но без колдовства тут не обошлось. Я же видел в глазке свою маму, вместо него.

Раньше я любил оставаться дома один. Это было время свободы, но теперь, когда мама начинала куда-нибудь собираться, я нервничал. Раз в несколько дней она ходила в магазин за покупками, чтобы пополнить запасы. Меня с собой на помощь не брала, говорила, что я зря

трачу деньги на всякую сладкую и вредную ерунду. Вспоминала меня ребёнком... Она ушла поздним вечером. Я лежал и долго не мог уснуть. Слышал, как под одеялом бьётся моё сердце. В квартире было очень тихо, за окнами тоже. Только в кухне еле слышно гудел холодильник.

Моя синица давно не прилетала и не стучала в стекло. Понятно, что птицы зимой не пропадут – найдут где прокормиться. Но до чего мне было стыдно, что я обидел эту пташку. Наверное, не стоит заикливаться на таких мелочах...

Раздался стук в дверь. Опять. Как в прошлый раз! Я не собирался повторять историю снова. Стук. Ожидание. Снова стук. А вдруг я ошибаюсь и это мама, в очередной раз, забыла ключи? Думаю, она бы позвонила на телефон. Хорошая идея – позвонить. Я набрал мамин номер:

- Алло? – ответила она.
- Привет, а ты где? – спросил я.
- По магазину хожу. А что такое?
- Да ничего. Так спросил. Ладно, пока.

Я повесил трубку. В дверь стучали с каждым разом всё громче и настойчивее. Но это не продолжалось вечно. Я дождался, когда это прекратится. В квартире снова повисла тишина. Прошло минут двадцать, но на душе не стало спокойнее. Я боялся: вдруг остроносый до сих пор стоит за дверью и ждёт меня. Я поднялся с кровати, оделся в домашние вещи и пошёл на разведку. В глазке никого. Пустая лестничная площадка. Но я чувствовал, что не всё так просто, а потому слегка приоткрыл дверь и посмотрел на коврик... Так я и думал! Там рассыпали горстку пшена. Жёлтые зёрнышки застряли в волокнах коврика и валялись по плитке. Это нужно было убрать, пока не вернулась мама. Мне хотелось скрыть от неё происходящее. Думал, так будет лучше. Коврик для обуви я вытряхнул над унитазом, потом промыл его под душем. Вернулся на лестничную площадку с веником и быстро замёл в совок остатки пшена. Успел. Дело сделано. Я уже заходил в квартиру и машинально посмотрел на лестницу выше. Он стоял там! Не двигался и не дышал, чтобы его не заметили раньше времени. Пучеглазый бродяга. Нос длинный, как спица. На лбу синие вены, под грязной кожей. Я подавился собственной слюной и откашлялся, но не хотел показывать слабость и заругался:

- Что ты ходишь ко мне? Иди отсюда!

Бродяга растянул губы и прищурился. Я закрылся в квартире. Страх бил по рёбрам, по вискам. В животе неприятная щекотка. Ощущение бессилия. Всё из-за той синицы? Тогда плевать на мамины запреты! Лучше иметь дело с ней, чем с настоящим злом. Я достал из шкафа немного крупы и насыпал на скат за окном. Если птица прилетит – пусть полакомится. Пока я её кормил – к нам в квартиру никто не стучал.

Ударили морозы. Землю скудно присыпало снегом. На мне был серый пуховик, шапка и два толстых свитера. Но я так замёрз, что не мог разговаривать. Хотелось поскорее добраться домой и отогреться. Пришлось долго ждать лифт, повозиться с ключом замёрзшими пальцами, и попытка закончилась. Я наконец вошёл в квартиру и сбросил рюкзак с плеч. Мама появилась из кухни. Она была суетливо-весёлая. Редкое настроение...

- О! Пришёл! Как у тебя дела? – спросила она.
- Да, обычно, – пробурчал я, замёрзшими губами.
- Обычно, обычно... Всё у тебя обычно! – язвила мама. – С тётей Мариной поздоровайся.

Вот откуда эта суета. Пришла её подруга с работы, с которой они иногда сплетничали обо всех коллегах. Это надолго! Я заглянул на кухню:

- Тётя Марина, здра...

Слова застряли у меня в горле. Дыхание перехватило. Это была не подруга моей мамы. У нас на кухне сидел пучеглазый, остроносый бродяга. Он развалился на стуле, положив на стол грязные руки с кривыми ногтями. Вонь, как с помойки! Мама пролетела мимо и села напротив

этого упыря. Она не замечала, кто сидит на нашей кухне! Я переминался с ноги на ногу и что-то хрустело под подошвами тапок... Пшено! Им был усыпан весь пол.

Ущипните меня, чтобы я проснулся! Такого не бывает в жизни!

Перед остроносый стояла нетронутая кружка с чаем. Он смотрел на меня. Мама отхлёбывала чай и весело рассказывала что-то, размахивая руками. Казалось, она была уверена, что перед ней сидит её подруга. Как же это было дико! Мама посмотрела на меня и сказала:

– Что ты вечно кривишься? Поешь давай и иди к себе в комнату.

– Аппетита нет... не хочется... – ответил я.

Остроносый сильнее сощурился и улыбнулся только шире. Морщины на его лице сжались гармошкой. Это у меня крыша поехала? Или у мамы крыша поехала? Как тут разобраться? Я ушёл к себе в комнату, но стоял у двери и слушал, как мама разговаривает сама с собой:

– А я тоже ему говорю: зачем тебе эта машина? У тебя уже одна есть! Ты лучше в квартире ремонт сделай... В таких условиях живёт... Да, не говори, Марин, я про то же!

Она думала, что ей отвечают, но остроносый молчал. Зачем он вообще пришёл к нам домой и навёл морок на мою мать? Хочет поиздеваться надо мной?! Меня грызла совесть, я не мог оставить маму наедине неизвестно с кем. Поэтому снова вернулся на кухню и сказал, что мне кое-что нужно. Мама вышла за мной и спросила:

– Чего тебе?

Я наклонился к её уху:

– Мам, это не тётя Марина. Ты что не видишь? Это не она!

– Юра, иди отдыхай. Не позорь меня. Придумал тут ещё!

Мама толкнула меня в плечо и ушла обратно к своему гостю. Мне оставалось только ждать, чем всё закончится. Уйдёт ли остроносый или будет сидеть у нас до ночи. За окном плавно кружил снег. Нетронутая горстка зерна, что я оставил для синицы, покрылась ледяной коркой. Не знаю каким проступком я навлёк на наш дом проклятье, но назад ничего не отыграть.

– Давай, Марина, всего тебе хорошего, – прозвучал голос мамы в коридоре.

Я выглянул из комнаты и мои глаза округлились от ужаса. Она обнимала этого остроносого упыря. А он чуть ли не смеялся, глядя из-за её плеча. Если бы он ко мне прикоснулся, я бы немедленно сжёг свою одежду, а потом долго тёр кожу мочалкой в ванне. От него же вонючка на всю квартиру. Мерзость!

Мама закрыла дверь за скверным гостем и ушла к себе. А я целый вечер чистил кухню. Протирал стол и стулья с химикатами, выметал каждое зёрнышко пшена и отодвигал холодильник. Можно было только надеяться, что остроносый удовлетворится этим визитом и больше не явится к нам. Он достаточно потрепал мои нервы! Что же всё-таки случилось? Может я недавно прикормил вовсе не птицу, а несостоявшуюся беду? Похоже, я задобрил какую-то тёмную силу, но потом сам и отказался от своей доброты. Теперь беда вернулась в мой дом, чтобы наконец свершиться.

Я знал, что произойдёт что-то нехорошее...

В выходные мама всегда просыпалась после обеда, однако в ту субботу спала чуть ли не до вечера. Я её разбудил, потому что начал беспокоиться. Вид у неё был нездоровый, но она старалась вести себя как обычно. Пришло время запасаться продуктами. Мама застёгивала пальто и жаловалась:

– Что-то мне плохо. Такая слабость целый день.

– Так отдыхай, – ответил я. – Куда ты собираешься?

– Когда мне отдыхать? Дел полно. И от тебя никакой помощи не дождёшься.

Сколько я не пытался уговорить её поручить мне поход за едой, мама не соглашалась. Она не могла доверить мне это дело, и сама пошла в гипермаркет.

«Сейчас опять придёт. Будет молотить в дверь». – Думал я.

Это было ожидаемо. Только мать за порог и в дверь стучат. Я смотрел в окно. Снежинки плавали в воздухе и неспешно спускались на землю. Ни одного человека на улице. Будто весь город опустел и только я слышу этот стук. Рано или поздно всё прекратится. Он не войдёт, если ему не открыть. Пусть стучит, пока кулак себе не отобьёт. Остроносому просто нужна моя реакция, страх... да любые эмоции! Больше он этого не получит.

Стук в дверь.

Почему соседи не жалуются на этот шум? Разве они не слышат? Я смотрел в окно. Обледенелая горстка пшена. Снег. Фабричные трубы. Белый дым.

Стук в дверь.

Он не войдёт, если ему не открыть! И вдруг зазвонил телефон. Неизвестный номер. Я обычно не отвечаю на звонки от незнакомых контактов, но в этот раз взял трубку.

– Аллю?

– Юрий, это вы? – со мной говорила незнакомая женщина. – Это городская больница. Ваша мама просила позвонить. Ей стало плохо в магазине. Она поступила к нам. Состояние пока неустойчивое. Приходит в себя и снова теряет сознание.

– Что?.. – телефон затрясся в моей руке, я весь дрожал.

– Вы не беспокойтесь, она под присмотром врачей в реанимации.

Нет. Это плохо кончится. Мама умрёт, если ничего не сделать. Я это чувствовал. Но что сделать? Что?! Надо заглянуть беде в лицо, попробовать договориться. Я пошёл к двери. Встряхнул дрожащие руки, сделал вдох и открыл. Остроносый сделал шаг к порогу, занёс руку над полом коридора и разжал кулак. Посыпались жёлтые зёрна. Клятое пшено! Я думал: «Провалился бы ты с ним!», но вместо этого делал виноватое лицо и шептал в отчаянии:

– Что мне сделать, чтобы это закончилось? Что сделать?!

Остроносый сощурился, открыл рот и бросил всего одно слово:

– Ешь!!!

Этого я не ожидал, но какой у меня был выбор? Моя мама умирала в больнице. Тут пойдёшь на любые унижения. Я медленно опустился на колени, наклонился к полу, подобрал губами несколько зёрен и стал жевать. На зубах хрустел песок, пшено оказалось горьким. Я поднял глаза. Остроносый смотрел на меня сверху вниз. Ему не хватило моего унижения. И я сгрёб пшено в маленькую горстку, снова склонился и продолжил есть. Клевал, как маленькая птица... В следующий раз, когда я поднял голову остроносого уже не было. Он ушёл. Всё обошлось... Маме полегчало этой же ночью. Она пришла в себя. Вскоре её выписали из больницы. Она вернулась такая же бодрая, как и была. Всё у неё благополучно. А у меня нет...

По вечерам, когда её не бывает дома, в мою дверь стучит остроносый. И я всегда открываю. Он рассыпает крупу на пол, а я встаю на колени и ем. Всё для того, чтобы снова не случилось беды.

Моё лицо!

Я проснулся в метели. Проснулся стоя. Возник посреди пляшущего снега. Так мне ощущалось это мгновение. На мне была моя коричневая куртка и мои чёрные перчатки без пальцев. Я стоял на ледяной колее посреди дороги. Никого вокруг. Зимняя темнота и впереди только один фонарь. Боль в голове была просто невыносима. Тело продрогло, но холод меня не беспокоил. Только боль! Казалось сейчас мой череп треснет и мозг вылетит наружу. Я ничего не помнил. Где я? И почему оказался здесь? Я сбросил капюшон, снял шапку. Метель била в лицо, охлаждала мою горячую голову. Как страшно оказаться неизвестно где, да ещё и в такую погоду!

Белый свет. За фонарём конец сельской улицы. За невысоким сетчатым забором стоял небольшой кирпичный домишка. Такой уютный и приветливый. Мне сразу стало легче. Даже боль в голове немного утихла. Я почувствовал, что нашёлся. Ведь это и был мой дом! Тёмный двор, заметённый снегом. На дорожке ни следа. Я прошёл через калитку, остановился у двери, полез в карманы. А где ключи?.. Ключей нет! Я в панике обшарил куртку и штаны. Пусто! Как можно было их потерять? Если где-то обронил, то не найду в такую выюгу. И телефона нет. Кошмар какой-то! Я переминался с ноги на ногу, кусал замёрзшие губы, пытался вспомнить, что же со мной случилось, но в голове было пусто. Никаких воспоминаний. Справа от дома на белом снегу мерцали разноцветные огоньки. Я пошёл посмотреть, что там такое... Это новогодняя ёлка сияла в окне. Как же я забыл её выключить, когда уходил? Вот рассеянный.

И вдруг в комнате загорелся свет! Кто-то ходил по моему дому! Что за?.. Я припал к стеклу и сощурился. Там был человек! В тапках, в домашней одежде: в клетчатых штанах и в старой жёлтой футболке с оттянутым воротником. В одной руке кружка, в другой пульт от телевизора. Да это же... Я! Не грабитель, не чужак. Это был я! У этого человека было моё лицо, моя причёска, моя одежда. Я смотрел в окно своего дома и видел самого себя. Мой двойник сидел в кресле, отхлёбывал чай и переключал каналы. Неужели я тоже так сутулюсь? У меня есть привычка постоянно проводить рукой по волосам? Не верится. Просто не верится! Как можно увидеть самого себя со стороны? Это нереально!

Я размышлял в изумлении: кто он – мой двойник? Человек из прошлого? Или из будущего? Да вроде не моложе и не старше... Другая версия меня из параллельной вселенной? Или на Земле, как в старом фильме происходит «Вторжение похитителей тел»? Мой двойник замер с пультом в руке, его заинтересовала какая-то передача по телевизору. Я дышал взволнованно и ругался шёпотом, но он меня не слышал. Метель заглушала мой голос. Вероятно, двойник всерьёз думал, что он это я. Его поведение было таким будничным... Вдруг он оторвался от телевизора и посмотрел в окно. Я испугался и спрятался за стену. Кажется, не заметил...

А что мне делать? Постучаться в дверь и сказать: «Привет!»? Не вариант! Мне показалось хорошей идеей попасть внутрь без приглашения. Это всё-таки мой дом! В такую пургу никто не держит окна открытыми, но я когда-то зачем-то смотрел ролик на Ютубе, как открыть пластиковое окно с улицы. Невозможно было вести себя тихо, под ногами хрустел снег, дверь в сарай с грохотом ударилась о стену, когда я её открыл. Но воющая пурга играла мне на руку. Да и двойник пока не интересовался, что происходит во дворе. Среди завала вещей я нашёл отвёртку. Хоть что-то... Я обошёл дом, смахнул ледяное крошево с окна спальни и просунул в щель жало отвёртки. Там где-то должна быть стальная пластина, на которую нужно надавить. Щелчок.

Надо же! Получилось! Я открыл окно и перемахнул через подоконник. Наконец-то тепло. Мой дом. Моя спальня. Кровать, шкаф, старый комод. В щели под дверью свет и тени от ног...

– Здесь кто-то есть?! – спросили из другой комнаты.

Это так звучит мой голос?..

Двойник услышал, что я пробрался в дом. Я стоял у окна и не знал, что делать дальше.
– Эй! – крикнул двойник.

Ручка дёрнулась вниз, открылась дверь, рука щёлкнула по выключателю.

Это точно я! Моё лицо. Мои глаза расширяются. И рот кричит: «А-А-А!». Какой ещё реакции следовало ожидать? Я сам был вне себя от страха, глядя в глаза самому себе. Мой двойник зашёл в комнату и увидел человека с таким же лицом, да ещё и с острым предметом в руке. Но теперь мне хотя бы стало ясно, что для него наша встреча такая же внезапная. Он будто не знал, что это не его дом, а мой... Увидев меня, двойник убежал через гостиную. Так хлопнул дверью, что ёлка затряслась и едва удержалась на подставке. Я кинулся за ним, набегу сбросив куртку. Мне надо было с ним поговорить, обсудить, что происходит. Пусть знает, что я не желаю ему зла. Если у нас похожа не только внешность, но и личности, то мы сможем понять друг друга и придумаем, что делать.

Мой двойник прибежал на кухню и, конечно же, схватил нож. На его месте я бы сделал тоже самое. Из нас двоих я первый принял происходящее, как факт, значит мне и выпало быть тем, кто попытается его успокоить. Двойник стучал зубами от страха, но твёрдо держал рукоять ножа. На меня смотрел кончик лезвия.

– Стой! – говорил я. – Успокойся! Давай поговорим! Я тоже напуган!

– Ты... ты... ты... – заикался двойник.

Я кивнул:

– Да, знаю! Сам в шоке! Давай просто поговорим!

– Поговорим... – мой двойник отступал. – Да, конечно... Поговорим...

– Тебе ни к чему этот нож! – сказал я, хотя сам до сих пор сжимал в кулаке отвёртку.

Страшно было выпустить её из руки, но если бы мы и дальше грозили друг другу острыми предметами, то разговора бы не получилось.

– Давай ты положишь нож, а я положу отвёртку, – предложил я. – Хорошо?

– Хорошо, – кивнул двойник.

Я опустил инструмент на стол и показал пустые ладони:

– Теперь ты!

Напуганный близнец подошёл к магнитному держателю рядом с плитой. Я поверил, что он собирается повесить туда нож.

– Итак... У тебя мой облик, а у меня...

Мне в лицо полетел чайник! Я успел увернуться, но мне на шею и грудь плеснуло кипятком. Кожа мгновенно покраснела и вздулась. Горячая вода разлилась по ногам.

– А-а-а! Сволочь!

Казалось, ситуация под контролем, а он запустил в меня чайником. Я такого не ожидал. Не стоило ему доверять. Он воспользовался моментом, подскочил и резко ударил меня ножом в плечо. Лезвие попало в кость и не вонзилось глубоко. Но как больно! Я оттолкнул двойника. Он был нисколько не сильнее меня. Нож скользнул под кухонный гарнитур. Мой двойник оскалился. Он напал на меня! Мы с ним не похожи, он злой! Как он мог соврать, ошпарить кипятком, ударить ножом? Разве я бы поступил так же?! Этот двойник хитёр и агрессивен. А вдруг он способен на убийство? Я опять схватил отвёртку, чтобы её не взял мой близнец. Он закричал и выбежал из кухни. Мои руки дрожали, голова всё ещё раскалывалась. Я не мог вспомнить, что произошло. А вдруг он знал? Пусть расскажет, как попал в мой дом! А вдруг это он напал на меня, шарахнул чем-нибудь тяжёлым по затылку, думал, что убил, но вот он я – вернулся в свой дом, влез через спальню. Не ожидал такого, да! Гадкий клон! Ну держись! По моему свитеру расплзлось пятно крови, но ничего – жить буду.

Я пошёл посмотреть, что делает мой двойник. Он стоял в гостиной, приложив телефон к уху. Задумал что-то! Наверное, хотел первым выдать себя за меня. Хотел забрать мой дом,

мою жизнь. Этого нельзя было допустить! Я тоже оказался способен ударить самого себя. Мой двойник получил под дых кулаком.

– Мы поговорим без звонков! – сказал я, отшвырнув телефон ногой.

У меня была отвёртка, а он безоружен.

– Отстань от меня! – закричал двойник. – Что тебе нужно в моём доме?

– В ТВОЁМ доме? – зарычал я. – Это мой дом! Ты украл его! Украл мой облик! Говори, кто ты такой?!

– Я ничего у тебя не крал! Я – это я!

Лицо моего двойника горело. Он был напуган и в его расширенных тёмных глазах застыло пустое, непонимающее выражение. Мой близнец просто боялся. Это было не враньё. Он верил в то, что говорит. И мне пришло осознание: что если не он, а я копия! Неизвестно откуда взялся, возник посреди метели. Моя внешность скопирована с него, как и память об этом доме. Этот парень уже сидел здесь, когда я пришёл. У меня не было ключей и телефона, потому что всё у него... Ситуация казалась мне странной, а ему нет. Парень сидел дома, пил чай, смотрел телек. Это не он, а я двойник! Зачем ему со мной разговаривать? Да... На его месте, я бы вёл себя точно так же. Тогда кто я такой и зачем я здесь?.. На фоне бормотал телевизор. На полу рядом с креслом стояла остывшая кружка. У окна мерцала ёлка. На полу мягкий бежевый ковёр. Любимый уютный домик. Неужели он не мой? Не хочу так думать! Он мой! Всё здесь моё! И эта жизнь тоже моя!

Кто из нас оригинал: я или этот парень? Похоже, настоящим будет тот, кто останется жив. Эта мысль чётко прописалась у меня в голове, когда я посмотрел на отвёртку в своей руке. Двойник первым ударил меня. Борьба уже началась. Один из нас сегодня умрёт. Чтобы получить эту жизнь, я должен убить этого парня, выкопать могилу в мёрзлой земле и закопать труп. А потом жить, стараясь не вспоминать об этом вечере, убедить себя, что произошедшее было всего лишь сном. И никогда не думать, что я не настоящий! Я – это я!

Двойник легко прочитал мой замысел в глазах и рыскал глазами по комнате, искал: чего бы ему схватить, чего бы в меня кинуть. Чувствуя, что готов убить его, я схватил его за шею и сбил с ног, тяжело дыша, навалился сверху и приставил жало отвёртки к его груди. Где-то слева должно быть сердце. Надо только посильнее надавить. Если сделать всё быстро, он умрёт не мучаясь. Нельзя медлить. Я должен это сделать! Двойник внезапно ударил меня в ухо. Опять застал врасплох! Вырвался из-под меня, зачем-то схватил телефон и убежал. Я держался за голову. Как больно... Нельзя дать ему уйти!

Он хотел убежать через дверь, не смотря на вьюгу, но понял, что не успеет открыть замок. Я уже был в коридоре и мой близнец заперся в ванной. Интересно, он на самом деле думал, что мне не справиться с этой хрупкой дверью? Её легко сломать, если не руками, то любым тяжёлым инструментом. Сам загнал себя в угол!

Другое дело – решиться на убийство. Как потом выдержать вид мёртвого холодного тела? Как жить с мыслью, что ты лишил кого-то жизни? Но он – это я. Когда он умрёт людей на Земле не станет меньше. Никто не заявит о пропаже. Я его заменю. Без этого не обойтись. Мы не можем договориться. Один из нас лишний. Я чувствовал ненависть к своему близнецу, потому что понимал: вероятнее всего – он настоящий, а я – всего лишь копия. Но мне тоже хочется жить!

– Так-так-так, – нервно повторял двойник, его голос отражался эхом в ванной.

Я со всей силы дёрнул на себя ручку и сломал её. Дверь осталась закрытой... В сарае должен быть топор или молоток. Но отойти нельзя – убежит. Я прислонился ухом к двери и услышал тихие гудки телефона. Мне вдруг стало интересно: что он собирается сказать полицейским? В дом влез мой двойник? Они примут его... меня... за сумасшедшего! Сейчас наговорит всякого, а мне потом отвечать за ложный вызов. Я ударил по двери плечом. На звонок двойника ответили и он закричал в трубку:

– Быстрее! Спасите меня! Он здесь! Он прямо здесь!.. Тот психопат, который принимает своих жертв за себя!.. Про него говорили по телеку! Да! Он здесь! И считает, что он – это я... Да, так и сказал... Хватит вопросов, приезжайте! Он собирается меня убить. Адрес: Новая Грушевка, Набережная, шестьдесят три.

От этих слов у меня всё в голове перемешалось. Я ударил дверь с такой силой, что сломал замок. Полетели щепки. Парень закричал и бросил в меня телефоном.

– Что ты такое несёшь? – злобно спросил я.

– Полиция едет!

– Что за чушь ты им сказал?

– Псих! Я не твой двойник! Посмотри на себя и на меня! Мы разные!

– Заткнись!

Слушать этот бред было невыносимо! Я не понимал зачем он это говорил. Думал, что пытается меня запутать. У него не осталось путей для отступления. Он хватал, что попадётся под руку и швырял в меня: шампуни, рулон туалетной бумаги, коробку стирального порошка. Смешно! Я ударил его в живот кулаком и снова приставил отвёртку к груди. Он сопротивлялся, пытался драться, царапался, но меня уже было не остановить. Жало вошло в его грудь. Глаза парня расширились. Он захрипел и плюнул кровью. Я поверить не мог, что делаю это! Парень довольно быстро перестал дёргаться. Его мучения закончились. Он лежал на полу с отвёрткой в груди.

Я убил человека. Мои руки в крови. Жилистые руки, с выступающими венами и короткими пальцами. У моего двойника руки совсем не такие. Они белые, гладкие, а пальцы длинные, изящные, как у пианиста. Зеркало над раковиной! В нём не я! Кто-то другой. Какой-то мужчина за сорок. С проседью в волосах и грубой щетиной. Лицо бугристое. На лбу крестообразный шрам. Даже глаза не карие.

Это не моё лицо! Я моложе. Мне около тридцати. Я должен выглядеть точно так же, как этот труп на полу. Почему в моём отражении другой человек? Но я видел его где-то... Много раз! Каждый день! В зеркале... Верно. Это моё лицо. Моё настоящее лицо, которое я не принимаю. Теперь вспомнил! Всё вспомнил! Это не мой дом. Почему мне казалось всё таким знакомым? И я не этот парень, которого убил. Я болен. У меня психическое расстройство и провалы в памяти. Вижу человека и мне кажется, что он – это я! Сколько раз я уже попадался на этот обман разума? Всегда одно и то же! Скольких людей я уже убил? Это не первый труп. Господи, опять!

На улице звучали полицейские сирены. Пока ещё далеко, но они вот-вот будут здесь! Нет. Ну нет. Точно нет. Я больше не вернусь в психушку. Там хуже, чем в тюрьме! Нужно бежать и найти где спрятаться! Прямо сейчас!

Тёмный джокер

Вторую ночь за окнами грохотало и ветер бросал потоки ливня в стекло. Форточка сама по себе захлопнулась от порыва сквозняка. Я лежал в темноте, наблюдал, как молнии озаряют мою комнату и считал через сколько прозвучит гром. Мне ещё в детстве рассказали, что с помощью несложных расчётов можно определить, как далеко находится гроза. За три секунды звук преодолевает один километр. Но тут было не успеть сосчитать до трёх. Гремело почти одновременно со вспышками. Значит гроза была совсем близко. Мне казалось молнии бьют прямо в крышу моего дома. При таком шуме не до сна. Однако прошлой ночью было хуже! Не только бушевала непогода, а ещё и соседи.

За стенкой от меня жила семейная пара Ваня и Милана. На первый взгляд, они выглядели хорошей парой, но иногда устраивали ночные ссоры. С криками и швырянием чего-то тяжёлого. Когда такое случалось, я невольно представлял, как в стену летит какая-нибудь старинная редкость. У них вся квартира была заполнена антиквариатом. Они оба зарабатывали поиском и перепродажей старинных вещей. Часы, чайники, фигурки, картины. Мне всегда казалось, что каждый из этих предметов стоит больших денег. Но, скорее всего, это было не так. Если бы Ваня и Милана хорошо зарабатывали, то не жили бы в этом доме, в крохотной квартирке гостиничного типа.

«Хорошо, что, хотя бы они сегодня не шумят», – подумал я. И вдруг пришло сообщение в «телеграм» от Вани.

«Гера, спишь? Зайди к нам! Это срочно!».

Он ещё никогда не приглашал меня в гости ночью, поэтому я не стал спрашивать, что случилось, а сразу оделся и пошёл к соседу. Наверняка что-то серьёзное. У Вани было не заперто. Я не заметил разницы в обстановке. Порядка в этой квартире не было никогда. И разбитые вещи тоже ещё ни о чём не говорили. Может такими их и принесли в дом, чтобы починить, а потом продать. Меня поразил вид соседа. У него на голове была повязка из окровавленного бинта и правая рука ниже локтя была крепко перемотана. На лице и на шее множество царапин от ногтей. Я бы пошутил про драку с тигром, но это было не смешно. Ваню колотило судорогами, из носа текло, и он постоянно шмыгал.

– Выпей! – предложил он.

У него на столике стояла едва не законченная бутылка с истёртой этикеткой. Не иначе «пиратский ром»... Старьёвщики!

– Не надо! – отказался я. – Скажи, что с тобой? Ты где так покалечился?

– Это больше не важно, – сосед ударил себя ладонью по груди и скривился. – Я могу умереть. Мне пытаются остановить сердце. Прошлую ночь я продержался, но эту боюсь не переживу. Ты мне поможешь ради всех, кто тут живёт!

– Кто-то пытается остановить тебе сердце? – спросил я, и сам себя одёрнул. Зачем я придираюсь к формулировкам? Человек не в себе, ему плохо. Надо звонить в скорую.

Ваня опять изрёк что-то странное:

– Тёмный джокер! Мы с Миланой сделали то, чего делать нельзя.

– А где Милана? – от растерянности, я не мог вспомнить простой номер и тупо смотрел на циферблат в телефоне.

– Умерла, – ответил сосед без какой-либо эмоции.

Я ему не поверил:

– Ну-ка соберись! Если ты не будешь говорить серьёзно, я уйду!

– Я пока в своём уме и знаю о чём говорю, – сказал Ваня уверенно. – Слушай! Вчера вечером Милана срезала с себя всю кожу, а потом такая пришла ко мне в постель. По правде

говоря, это была уже не она, а Червоная дама. Я не буду тебе ничего объяснять! Это долго, и ты не поймёшь.

– Ты сказал: срезала с себя всю кожу? – Я был ошеломлён тем, что он нёс.

– Да, – Кивнул Ваня. – И со мной хотела сделать тоже самое. Видишь?

Он указал на свои бинты.

– И где она сейчас? – медленно проговорил я, мой язык онемел от страха.

– В ванной. Мне пришлось её расчленить.

– Чего?

– Тут было без вариантов! – Ваня залпом выпил стакан чёрной «борматухи». – Поверь мне, другого способа остановить этот ад просто нет! Надо уничтожить тело. Я разрубил её на части и засыпал солью, чтобы всё высохло. Завтра надо будет сжечь все куски. И если я вдруг умру...

Слушать это дальше было не в состоянии.

– Пошёл ты! – крикнул я, что было сил. – Психи! Я звоню в полицию!

Было страшно, что Ваня попытается удерживать меня. Но когда я попятился к двери, он остался сидеть на стуле. Сосед криво улыбался и мотал головой:

– До утра сюда никто не войдёт. И не выйдет!

Я вернулся к себе. Несколько раз пытался разблокировать телефон, но он не распознавал отпечаток. Пальцы взмокли. Это всего лишь кошмар, ужасный кошмар... Были проблемы с сетью. Вверху экрана ползла строка «Только экстренные вызовы», но я не мог дозвониться даже по единому номеру оперативных служб. В то же время мне сыпались уведомления о сообщениях от Вани. Он писал мне ежесекундно: «Гера, это случилось!», «Теперь всё в твоих руках», «Если ты не сделаешь всё, что я скажу, все в этом доме умрут».

«Полиция едет!», – написал я в ответ.

Сообщение повисло, как неотправленное, но сосед на него ответил: «Никто сюда не едет».

Следом посыпался ещё десяток сообщений: «И бояться мне уже нечего», «Гера, я умер», «Я умер!», «Уничтожь моё тело», «Каждую часть!», «Разруби моё тело на шесть кусков», «У меня в квартире есть всё, что тебе понадобится: топор, соль и пищевая плёнка», «Положи мои куски в ванну, полностью засыпь солью и обмотай ванну плёнкой для консервации», «Через сутки сожги в лесу», «Только пользуйся своей ванной», «Моя уже занята Миланой»... «И её тоже сожги!».

Этот поток сумасшествия убивал и мой здравый ум.

– Ваня, перестань беситься! – закричал я в стену.

Телефон продолжал разрываться от уведомлений: «Гера, я умер», «Уничтожь моё тело». Надо было его успокоить. Я взял с кухни фильтр-кувшин, чтобы с порога плеснуть Ване в лицо холодной водой и соврать, что за ним уже едут.

Я вернулся, открыл дверь, а сосед лежал на полу мёртвый! Он не притворялся. У Вани были открыты глаза и рот. И он не дышал. Пузырьки слюны на губах были неподвижны. Я опустился на колени, приложил ухо к холодной груди. Тихо. Не только сердце, всё в этом теле замерло. Ваню нужно было спасать немедленно. Если это ещё возможно! Телефон не работал. Окна тряслись от грома. Я закрыл глаза на несколько секунд, чтобы перевести дыхание и кровь смогла отойти от головы. Звон в ушах стал тише. Мне пришла здравая мысль: в доме полно других людей. Они могут помочь. Я побежал по коридору и без стеснения стучал в каждую дверь:

– Скорую! Звоните в скорую! Быстрее!

Ко мне вышли только двое. Тётя Вера в сорочке наизнанку и студент Юра. Видно он ещё даже не ложился. Парень был сонный, но полностью одетый. Соседи ещё не узнали, что случилось, но уже пытались позвонить.

– У меня нет сети! – сказал Юра.

– У меня тоже ничего не ловит, – тётя Вера смотрела в экран своего кнопочного телефона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.